

ИСТОРИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

*Традиции
и перспективы*

К 80-летию
со дня рождения
Даниила Антоновича
АВДУСИНА

МОСКВА

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.

1998

Ю.Э. Жарнов

ГНЁЗДОВСКИЕ КУРГАНЫ С ОСТАТКАМИ ТРУПОПОЛОЖЕНИЯ

История изучения гнёздовских ингумаций характеризуется долгим и противоречивым процессом накопления фактического материала. Первые сведения о погребениях некрополя*, совершенных по способу трупоположения, относятся еще к XIX в. (курган из раскопок С.П. Писарева) [28, с. 6]. Этот комплекс, а также погребение, исследованное С.И. Сергеевым (1900–23)**, В.И. Сизов и А.А. Спицын рассматривали как случайные, относящиеся “к более позднему времени” [28, с. 6, 78; 29, с. 10, 49]. Еще одно трупоположение раскопал И.С. Абрамов [9, л. 37; 30, с. 186]; сообщение о случайно найденных остатках ингумации имеется в работе Е.Н. Клетновой [18, с. 39]. Этими погребениями, вплоть до публикации Д.А. Авдусиным трех трупоположений из раскопок 1960 г. [1], исчерпывалось число гнёздовских ингумаций, упоминаемых исследователями.

Следует заметить, что курганов, раскопанных до 1960 г. и содержащих (или – по-видимому, содержащих) остатки трупоположений, значительно больше. В частности, из отчета В.И. Сизова за 1896 г. известно, что в кургане № 26 отсутствовали следы кремации, но “ниже грунта состав земли указывал на существование ямы глубиной 1,5 аршина. Ничего не найдено” [6, с. 9]. Вероятно, яма была могильной.

Приоритет в изучении гнёздовских трупоположений принадлежит С.И. Сергееву, но, к сожалению, ряду важных наблюдений исследователя не нашлось места в спицынской публикации материалов его раскопок.

Впервые с ингумациями С.И. Сергееву пришлось столкнуться в 1898 г., когда при проведении земляных работ на участке, некогда занятом курганами, были

* Об истории изучения и топографии могильника см. работы Д.А. Авдусина и Т.А. Пушкиной [4; 32, с. 263–268], В.А. Булкина [13, с. 25–29].

** Остатки трупоположения обнаружены С.И. Сергеевым и в кургане 1900-5. Спицынская интерпретация – позднее впускное погребение – не вызывает возражений [6, с. 46; 8, л. 44].

обнаружены умбон, наконечник копья, меч, обрывки кожаного ремня с бронзовыми бляшками [7, л. 19, 34, нах. № 193–196]. В 1899 г. при сходных обстоятельствах были собраны еще 3 комплекса находок: 14/VII–1899 [там же, л. 9, 19, 34–35, нах. № 197–233], 24/VIII–1899 [там же, л. 19, 35, нах. № 235–241, л. 39, нах. № 10; 5, л. 3], 18/LX–1899 [7, л. 19, 35, нах. № 242–245]. Ни один из четырех комплексов С.И. Сергеев не называет ингумацией, однако обстоятельства их обнаружения (особенно комплекса 14/VII–1899, найденного на глубине 1 аршина “от поверхности земли”) и внешний вид вещей, не побывавших на погребальном костре, позволяют уверенно судить о характере этих захоронений.

Итоги работы двух лет навели С.И. Сергеева на мысль о существовании в Гнёздове курганов с остатками труположения. “Ходят слухи, что имеются курганы с погребением (с ингумациями – Ю.Ж.)”, – отмечает исследователь в письме в Императорскую Археологическую комиссию (январь 1900 г.) [8, л. 3]. В апреле того же года при раскопках кургана № 5, оказавшегося “пустым”, он попытался обнаружить “погребение”: “Копано глубже основания, но следов могилы не найдено” [там же, л. 42]. Поиски оказались успешными при исследовании комплекса 1900–18: “Заметив в основании кургана мешаную землю, я углубил раскоп на 2,5 аршина ниже до твердого грунта... На самой середине кургана найдены железные обручи от ведерка и ручка с ушками, а также 4 гвоздя, согнутых одинаково. Кроме того, в маленьком кусочке бересты – третья часть дирхема” [там же, л. 46–47]. В публикации яма не упомянута, а вещи оказались найденными на кострище [29, с. 48]. Труположение могло содержать и “пустой” курган 1900–17: на рисунке из отчета в основании насыпи отмечена “глубокая яма” подквадратной формы [8, л. 46].

Приобретенный опыт раскопок ингумаций выразился и в верной атрибуции найденных в траншее карьера удила и стремени (комплекс 1/LX–1900б): “Найдены 1 сентября, по-видимому, из могилы ниже курганов, вернее, под курганом бывшей” [7, л. 39, нах. № 29, 30]. К случайно обнаруженным остаткам труположений необходимо отнести еще 4 комплекса вещей, собранных С.И. Сергеевым: 28/IV–1900 (нах. № 1–9), 12/VI–1900 (нах. № 22, 23), 1/LX–1900а (нах. № 15–18), 1900–7а (нах. № 19–21) [7, л. 39]. А.А. Спицын все разделенные С.И. Сергеевым по комплексам находки из поврежденных курганов сгруппировал по категориям и дал общим списком “Вещи из разрушенных курганов” [29, с. 53–54].

Еще одно труположение в подкурганной яме было раскопано в 1940 г. Н.В. Андреевым и Н.П. Милоновым [10, л. 54–55, 57].

Наконец, курганы с ингумациями были до 1960 г. встречены и экспедицией МГУ, но оказались неверно атрибутированными (“поврежденный”, “пустой” курганы) – “уж слишком силен был, – по словам Д.А. Авдусина, – внушенный А.А. Спицыным предрассудок о Гнёздове, как о памятнике, где труположения маловероятны” [4, с. 72.].

Незначительность источниковой базы предопределила характер работ первой половины 1970-х гг.* В статьях Д.А. Авдусина рассматриваются, прежде все-

* По данным Д.А. Авдусина, к 1970 г. в Гнёздове было исследовано 17 труположений [1, с. 240; 2, с. 162].

го, вопросы хронологии труположений некрополя [1, с. 239–240; 2, с. 162]. На материалах не более чем десяти комплексов построена концепция В.А. Булкина о труположениях, как финальной стадии развития гнёздовского обряда погребения [13, с. 34–35, 50].

Событием в изучении ингумаций могильника стало обнаружение экспедицией МГУ в 1976 г. погребений в камерах (Ц-191, 198) и публикация результатов архивных поисков В.А. Булкина, причислившего комплекс 14/VI–1899 к камерным захоронениям [3; 12]. Эти работы перенесли “вечный” гнёздовский вопрос – анализ скандинавских древностей – с его традиционного поля приложения (курганы с кремациями) на новое, заметно расширив информативные возможности ингумаций.

Конец 1970-х – 1980-е гг. явились в целом периодом накопления материала о курганах с труположениями. Если в 1976 г., по данным Д.А. Авдусина, таких насыпей было 24 [3, с. 122], то в 1986 г. – “около 85” [5, с. 190]. С увеличением числа раскопанных ингумаций произошла корректировка взглядов их исследователей: признано ошибочным мнение об окраинном расположении курганов с труположениями [4, с. 72], не получила дальнейшего развития попытка классификации ингумаций по принципу много- малоинвентарности комплексов [32, с. 281]. Новым подходом к изучению гнёздовских ингумаций стала публикация трех камер, исследованных в 1982 и 1984 гг.; в вводной части работы была обоснована дифференциация комплексов с остатками труположения на камерные погребения и “обычные ингумации” [5].

Аналогичная идея положена в основу проведенного нами анализа погребального обряда курганов с труположениями, раскопанных в Гнёздове до 1989 г.* Использованная В.А. Булкиным классификация комплексов по уровню расположения погребения [13, с. 34] для могильника не подходит, так как в настоящее время погребения в ямах являются практически единственным известным в Гнёздове вариантом ингумации. Погребение, исследованное И.С. Абрамовым (курган № 1), обычно причисляемое к труположениям в основании насыпи [30, с. 186], определено автором раскопок как “погребение на грунте”, что не согласуется с приведенными им же параметрами “могилы”, отсутствующими в публикации А.А. Спицына: длина – 3 аршина, ширина – 1 аршин 8 вершков, глубина – 1 аршин 6 вершков [9, л. 37]. Видимо, или погребение было совершено в подкурганной яме, или это впускное захоронение, и его связь с курганным Гнёздовом проблематична. Нет достаточных оснований и для отнесения к труположениям на горизонте погребения 1900–123. Особенности комплексов Ц-59 и Л-56, “вероятных труположений”**, позволяют предположительно интерпретировать их как ингумации в основании насыпи: на кострищах, не содержащих кальцинирован-

* Предлагаемая вниманию работа является сокращенным вариантом написанной в 1992 г. по материалам диссертации [15] статьи для несостоявшегося российско-шведского археологического сборника. В диссертации использован неопубликованный материал из раскопок в Гнёздове, любезно представленный Д.А. Авдусиным

** В процессе работы с полевой документацией экспедиции МГУ была выделена группа курганов, условно атрибутированная как вероятные труположения – погребения, совершенные по способу труположения, но неверно истолкованные во время раскопок. Доисследование ряда курганов (Ц-157, 171, Оль-30) подтвердило наше предположение.

ных костей, были найдены нож и топор со следами ткани на лезвии (Л-56) и остатки обгоревшего деревянного сосуда и ткани, а также нож, топор, ведро и круговой сосуд (Ц-59). Условность предложенной атрибуции не исключает вероятность обнаружения в будущем достоверных случаев таких ингумаций.

В целом, исследуемую выборку погребений, совершенных по способу труположения, составляют 126 комплексов, в том числе 10 – из поврежденных курганов [14, приложение]. Учитывая данные о 68 “вероятных труположениях” (там же) и имея в виду, что часть “пустых” курганов являлась, по-видимому, невыявленными ингумациями [15, с. 16–17], следует признать, что курганы с труположениями составляют не менее трети всех погребальных комплексов Гнёздовского некрополя.

Проблема дифференциации труположений на камерные погребения и “обычные ингумации” сводится, по существу, к определению относительно жестких критериев труположений в камерах – деревянных конструкциях, сооруженных непосредственно на месте погребения и отличающихся значительно большими размерами по сравнению с конструкциями типа гробов, приспособленными для транспортировки [33, с. 7].

По мнению А.-С. Грэслунд, важнейшими количественными критериями погребений в камерах являются ширина могильной ямы, а также соотношение ширины и длины*. Определяющее значение имеют и такие признаки, как уступы для лошади и “громоздкий” инвентарь – оружие, ведра, сундуки (там же, с. 7–12). Ряд конструктивных и обрядовых особенностей камер отмечен и в работе Д.А. Авдусина и Т.А. Пушкиной [5, с. 192].

Анализ соотношения поперечных размеров дна ям, наиболее близких по параметрам, как правило, несохранившимся деревянным погребальным сооружениям, дополненный имеющимися сведениями о камерных конструкциях, позволил определить для гнёздовских камер количественные критерии двух уровней. К камерным отнесены все комплексы, ширина дна ямы которых составляет не менее 140 см, а соотношение ширины и длины – от 0,55 до 1; погребения с шириной дна не менее 110 см и соотношением поперечников более 0,4 рассматриваются в качестве камер лишь при наличии таких факторов, как сидячее положение погребенного или сохранившиеся остатки погребальных конструкций, сопоставимых по своим размерам с достоверными камерными сооружениями.

Используя указанные критерии, к камерным отнесен 31 комплекс: Ц-66, 84, 86, 88, 157, 171, 191, 198, 212, 241/II, 249, 255, 256, 290, 301, 306, Л-65, 66, 129, Польш-11, 25/II, 50, 61, 62, 76; Оль-30, Дн-4, 13, 21, 31, 40. Как уже отмечалось, камерным погребением является комплекс 14/VII-1899: из камер, по-видимому, происходят и вещи, составившие комплексы X-1898, 1900-7а и 12/VI-1900**. Вероятно, упоминаемые Е.Н. Клетновой меч, топор, железная гривна и череп, обнаруженные случайно в одном из курганов Левобережной группы, также явля-

* В Бирке ширина ям с камерными погребениями была обычно больше 120 см и не меньше 90 см, все ямы с шириной больше 135 см отнесены А.-С. Грэслунд к камерам; наиболее частое соотношение – 0,6-0,7.

** Комплекс 1900-7а составили остатки уздечки, топор и стремя [7, л. 39], в комплекс 12/VI-1900 входили два стремени (“на одном припекся клоч конской шерсти”) и топор (там же).

лись остатками камерного захоронения. Сведения о не менее чем 35 погребениях, отнесенных к камерным, отличаются неоднородным характером. Невысокая информативность собранных С.И. Сергеевым комплексов вещей кургана Ц-256 (его камера практически полностью уничтожена поздним захоронением коровы) и некоторых других захоронений (Л-65, 66, Ц-66, 88, ДН-21).

Комплексы, не вошедшие в число камерных, составляют группу погребений в материковых ямах, абсолютное большинство которых имеют дно шириной не более 130 см, а соотношение поперечников – 0,3–0,5. Разделение труположений более 130 см, а соотношение поперечников – 0,3–0,5. Разделение труположений данного типа на погребения в гробах и без гробов, предложенное А.-С. Грэнлунд для ингумаций Бирки [33, с. 7–12], условно, так как критерии первых – железные гвозди, остатки деревянных конструкций – искусственно отсеивают комплексы с гробами, сделанными без использования гвоздей, а деревянные детали которых бесследно истлели (отсутствие дерева отмечено и для большинства ям с гробами, сбитыми железными гвоздями) [33, с. 12, 15, 16].

В данной работе все некамерные комплексы отнесены к группе погребений в “могильных ямах”. Таких комплексов оказалось 85: 1940–4, Ц-14, 63, 71, 72, 94, 140, 144, 178, 197, 201, 222, 240, 241/Л, 258, 262, 275, 276, 280, 281, 288, 289, 292, 295, 299, 314/Л, 314/П, 315, 325, 1900–23; Л-95, 105, 121, 123, 124/Л, 124/П, 137, 139, 141, 144, 145, 148, 151; Оль-8, 23; Дн-1, 3, 12, 17, 24, 28, 30, 35, 44; ПОль-1, 4, 5, 7, 14, 20, 22, 27, 30, 31, 36, 37, 38, 40, 42, 46, 49/Л, 49/П, 51, 52, 53, 56, 58, 64, 69, 74, 79, 82, 83. Курган 1900 – 18 и 5 комплексов вещей (24/VIII–1899, 18/IX–1899, 28/IV–1900, 1/IX–1900а, 1/IX–1900б) из-за отрывочности сведений затруднительно отнести к конкретной группе ингумаций.

Ограниченный объем статьи позволяет лишь тезисно изложить основные результаты проведенного исследования археологических фактов, зафиксированных в гнездовских курганах с труположениями.

Материал относительно хорошо документированных 18 комплексов со следами конструкций погребальных сооружений (табл. 1) позволил выделить два вида камер: деревянные камеры – сооружения с деревянными стенками, верхним и нижним перекрытиями, и “земляные камеры” – ямы, стенки которых не были облицованы деревом, но сверху перекрыты дощатым настилом. Последний вид зафиксирован лишь однажды (Ц-249) и, по-видимому, не был характерен для Гнездова. Среди погребальных сооружений, отнесенных к деревянным камерам, по способу углового крепления стенок выделяются два типа конструкций: камеры с четырьмя угловыми столбами (Ц-171, 306, Дн-4, 13, 31) и камеры – “срубы” (Ц-86, 157, 191, 198, 21, 301, ПОль-11, 25/П, 50, 62). Абсолютно преобладает вариант соединения плах (досок) стенок рубкой “в лапу”, вариант рубки “в обло” обнаружен лишь в погребении Ц-301. Камеры курганов ПОль-62 и Оль-30, наминающие, скорее, подземные погребальные “палаты” (площадь дна – 16,8 и 32 м²), имели центральный опорный столб.

В 23 из 85 труположений в “могильных ямах” зафиксированы остатки деревянных конструкций, дающие возможность достаточно точно определить поперечные размеры погребальных сооружений и приблизительно – их вертикальные параметры; в отдельных случаях сохранность дерева и наличие гвоздей позволяют судить о конструктивных деталях сооружений (табл. 2). Еще 33 комплек-

Таблица 1

Параметры и конструкция 18 погребальных камер

Комплекс	Поперечные размеры дна и глубина ямы, см	Поперечные размеры камеры, см	Н, см	Толщина стенок, см	Параметры угловых столбовых ямок, см*	Параметры центральной столбовой ямки, см*	СРУБ О Л
Ц-249	250x110x145	250x110	75	—?	18–23x33–50	—	— —
Ц-171	300x170x190	265x130–160	100	5–7	20–25x25–50	—	— —
Ц-306	290x240x95	290x240	40	10–15	18–20x30–43	—	— —
Дн-4	305x260x125	300x260	50	10	20x20–30	—	— —
Дн-13	260x210x110	260x180–200	100	10	18–25x15–30	—	— —
Дн-31	240x150x80	240x145	60	10	—	—	+ —
Ц-301	300x300x80	230x225	40	10	—	35–45x30	— +
Оль-30	690x490x200	670x480	200	10	—	40–50x50	— +
ПОль-62	430x410x135	420x400	70	?	—	—	— +
Ц-86	300x180x75	290x130	50	5	—	—	— +
Ц-212	250x160x110	160x110	60	10	—	—	— +
Дн-40	285x120x85	240x95–100	75	5	—	—	— +
ПОль-25/II	280x130x75	280x130	55	5	—	—	— +
ПОль-50	250x125x90	240x120	80	?	—	—	— +
Ц-157	300x285x100	215x205	80	10	—	—	— +
Ц-191	280x250x130	275x240	100	10–15	—	—	— +
Ц-198	335x230x150	330x220	100	?	—	—	— +?
ПОль-11	260x200x70	260x200	50	?	—	—	— +?

Н – Минимальная высота камеры.

* – Поперечные размеры x глубина.

СРУБ – камера-«сруб»: О – соединение плах (досок) стенок рубкой «в обло»;

Л – соединение рубкой «в лапу».

са (Ц-14, 63, 94, 144, 197, 222, 241/Л, 258, 276, 288, 289, 292, 325, Л-95, 123, 137, 145, 148, 151, ПОль-4, 14, 20, 22, 27, 40, 42, 46, 49/Л, 51, 52, 58, 74, 82) по стратиграфическим данным, отдельным пятнам тлена и остаткам дерева также, по-видимому, имели погребальные конструкции. В целом, отсутствие сооружений в курганах с труположениями в «могильных ямах» является для Гнёздова скорее исключением, а возможный альтернативный вариант – ингумация умерших, завернутых в бересту, шкуры или тканый материал, – кажется маловероятным. Особый интерес представляет уникальное по сохранности деревянных конструкций погребение из кургана Ц-315. Обнаруженный здесь гроб был сделан из досок толщиной 2–3 см и шириной 15–20 см. Между досками боковых стенок были зажаты доски как дна, так и торцевых стенок (были сделаны из вертикально поставленных досок); последние, в свою очередь, зажимали доски дна. Отсутствие железных гвоздей предполагает использование деревянных шипов. Аналогичная конструкция гроба, сбитого 30 гвоздями, обнаружена в камере кургана Ц-171.

Половозрастную принадлежность погребенных удалось определить для 29 камер и 49 «могильных ям». Для камерных захоронений характерно примерно равное число женских (39%) и мужских (45%) комплексов и полное отсутствие погребений детей. Ингумации в «могильных ямах», видимо, точнее отражают демографическую ситуацию Гнёздовского поселения: доли женских, мужских и детских комплексов близки нормальному пропорциональному представительству

Параметры и конструкция погребальных сооружений
23 труположений в "могильных ямах"

Комплекс	Поперечные размеры дна и глубина ямы, см	Поперечные размеры погребального сооружения, см	Минимальная высота конструкции, см	Наличие железных гвоздей
		160x75	?	5
1940-4	190x90x120	150x60	?	—
Ц-275	160x80x100	более 210x80	—	—
Ц-314/1	210x80x100	210x55	20	—
Ц-315	240x110x90	220x50	60	—
Оль-8	240x60x95	200x70	65	—
Оль-23	210x70x105	200x75	35	—
Дн-3	200x75x140	210x65	40	—
Дн-12	220x75x70	170x70	50	—
Дн-17	170x70x80	190x70	30	—
Дн-24	190x70x50	180x45	30	—
Дн-28	180x45x70	220x85	50	—
Дн-30	220x85x70	200x60	60	—
Дн-35	210x70x60	230x90	45	—
ПОль-5	245x100x85	180x50	30	—
ПОль-30	280x130x90	220x60	35	—
ПОль-31	220x75x70	200x70	70	—
ПОль-36	230x75x80	210x90	45	—
ПОль-38	210x90x65	130x55	25	—
ПОль-53	140x85x25	210x80	40	—
ПОль-64	220x90x60	220x50	30	—
ПОль-69	240x90x100	220x90	50	—
ПОль-79	230x100x85	140x75	?	—
ПОль-83	185x80x70			

* — Параметры верхнего перекрытия ямы.

половозрастных групп в могильниках поселений со стабильной и естественной структурой населения. Аналогичный вывод был сделан и по материалам трупосожжений [15, с. 7]. Показательна половозрастная дифференциация ингумаций полностью раскопанной Заольшанской группы, где женские, детские и мужские комплексы составляют по трети всех определяемых погребений. Парные погребения зафиксированы лишь в камерах. Бесспорным случаем погребения мужчины и женщины является комплекс 14/VI-1899. С некоторой долей условности определен состав погребенных в камерах Оль-30 (двое мужчин и две женщины) и ПОль-62 (двое мужчин). Помимо камер с парными труположениями исследованы курганы с двумя одновременными погребениями в отдельных ямах (Ц-241, 314, Л-124, ПОль-49), в кургане ПОль-25 остатки ингумации сопровождалась кальцинированными костями.

Анализ встречаемости в камерах и "могильных ямах" основных категорий погребального инвентаря (табл. 3) указал на существование достаточно четкой дифференциации этих групп погребений. Неслучайный характер взаимосвязи и ее весьма высокий количественный показатель* отмечены для большинства катего-

рий инвентаря и камер, тогда как для “могильных ям” наиболее значима связь с таким признаком, как “отсутствие погребального инвентаря” (в каждом третьем погребении). В целом, обобщенную, альтернативную “могильным ямам” модель камерных захоронений на уровне погребального инвентаря можно представить в виде сочетания таких предметов, как сундуки и ведра, скандинавские фибулы, ледоходные шипы, весы и гирьки, кафтаны, золотая и серебряная канитель, костяные острия, конское снаряжение, стрелы, копья, мечи и скрамасаксы, щиты. Аналогичная по характеру модель погребений в “могильных ямах” мужчин и женщин определяется височными кольцами, одеждой с 1–2 пуговицами на вороте, топорами, ожерельем из 1–5 бусин, а детские комплексы – гончарными сосудами и бубенчиками или же отсутствием инвентаря.

Обратимся к вопросам хронологии и этносоциальной атрибуции погребений некрополя, совершенных по способу труположения.

Анализ датирующих возможностей предметов погребального инвентаря позволил условно разделить период функционирования некрополя на два этапа: раннее (кон. IX – 1-я пол. X в.) и позднее Гнёздово (сер. X – нач. XI в.) [15, с. 18–19]. Все труположения, как и абсолютное большинство кремаций, относятся ко второму этапу. Отсутствие среди исследованных курганов ранних комплексов может говорить об относительно позднем характере ингумаций, тогда как материалы курганов “позднего Гнёздова” свидетельствуют, в общем, о синхронности двух способов погребения. Появление во второй половине X в. труположений было вызвано не эволюцией обряда в самом Гнёздове, а воздействием внешних факторов этнического, социального и, может быть, религиозного характера.

Идея о многоэтничности Гнёздовского поселения, впервые высказанная В.И. Сизовым [28, с. 123], определяет содержание и современных исследований. Привлечение материалов ингумаций позволяет уточнить общий характер этнического взаимодействия, правомерность тех или иных этнопоказателей. Зафиксированная по данным погребений (как кремаций, так и труположений) двучленная этноструктура населения (скандинавы и славяне) [15, с. 20–21] наиболее отчетливо прослеживается именно по материалам “могильных ям” и камер. Речь, прежде всего, идет о женских комплексах, точнее отражающих этническую ситуацию [14, с. 203–206]. Как отмечалось, наиболее яркой чертой женских камерных погребений являются фибулы, для “могильных ям” – височные кольца. Если скандинавский, в целом, характер гнёздовских камер прослеживается и по материалам мужских комплексов [14, с. 211], то “могильные ямы” с височными кольцами служат фактически единственным свидетельством славянского присутствия в Гнёздове на уровне отдельных погребальных комплексов. Найденные в 5 из 14 “нескандинавских” женских труположений в “могильных ямах” височные кольца, предназначавшиеся не для всех возрастных групп, по-видимому, правомерно рассматривать в качестве этноиндикатора ингумаций. Однако жесткого противопоставления по этническому признаку двух вариантов труположения нет. В частности, к скандинавским следует отнести и ряд погребений в “могиль-

* При исследовании связей между признаками производился расчет коэффициента сопряженности Q [31, с. 94–98].

Погребальный инвентарь

Предметы погребального инвентаря	Камеры		МЯ	
	31		85	
	N	Q	N	Q
Без инвентаря	—	-0,36	31	0,36
Нож	19	—	41	—
Оселок	5	0,19	4	-0,19
Ледоходный шип	3	0,27	—	-0,27
Ключ	2	—	3	—
Трубка фитиля	1	—	1	—
Кресало	6	—	6	—
Гребень	4	0,26	1	-0,26
Бубенчик	—	—	3	—
Ножницы	4	—	4	—
Игольник	4	0,26	1	-0,26
Пояс	10	0,32	6	-0,32
Сумка	3	—	4	—
Костяное острие	3	0,27	—	-0,27
Монета (не подвеска)	6	0,2	5	-0,2
Весы, гири	6	0,39	—	-0,39
Керамический сосуд	6	—	17	—
Сундук, ведро	9	0,4	2	-0,4
Деревянный сосуд	5	0,3	1	-0,3
Предметы для игры	2	0,22	—	-0,22
Женск. скандинав. фибулы	6	0,39	—	-0,39
Мал. подковообр. фибула	3	—	3	—
Браслет	1	—	3	—
Перстень	2	—	3	—
1-5 бусин	3	—	3	—
Более 5 бусин	7	—	8	—
Более 20 бусин	7	0,19	7	-0,19
Подвески	4	0,21	2	-0,21
Железная гривна	9	0,27	7	-0,27
Височное кольцо	2	0,22	—	-0,22
Подковообразная фибула	1	—	5	—
Кольцевая фибула	12	0,39	6	-0,39
1-2 пуговицы	1	—	—	—
Не менее 8 пуговиц	8	—	12	—
Золотая канитель	5	0,35	—	-0,35
Стрела	4	0,31	—	-0,31
Топор	5	0,3	①	-0,3
Колье	9	0,27	⑦	-0,27
Меч, скрамасакс	8	0,34	③	-0,34
Щит	4	0,31	—	-0,31
Снаряжение коня	2	0,22	—	-0,22
Предметы из воска	5	0,35	—	-0,35
Крестовидная подвеска	3	0,21	1	-0,21
	4	—	3	—

МЯ – погребения в "могильных ямах"
 N – количество погребений.
 Q – коэффициент сопряженности.

Таблица 3

курганов с труположениями

Погребения мужчин				Погребения женщин				Погребения детей в МЯ	
Камеры		МЯ		Камеры		МЯ		детей в МЯ	
14+3*		19		12+2**		16		14	
(100%)		(100%)		(100%)		(100%)		(100%)	
N	(%)	N	(%)	N	(%)	N	(%)	N	(%)
-	-	3	(16)	-	-	-	-	4	(29)
9+2	(64-65)	14	(74)	8+1	(64-67)	11	(69)	7	(50)
5+0	(29-36)	4	(21)	-	-	-	-	-	-
1+2	(7-18)	-	-	-	-	-	-	-	-
0+1	(0-6)	1	(5)	1+1?	(8-14)	1	(6)	-	-
1+0	(6-7)	1	(5)	-	-	-	-	-	-
5+1	(35-36)	4	(21)	-	-	-	-	2	(14)
0+1?	(0-6)	1	(5)	3+1	(25-29)	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	2	(14)
0+1?	(0-6)	-	-	3+1	(25-29)	4	(25)	-	-
-	-	-	-	4+0	(29-33)	1	(6)	-	-
9+1	(59-64)	5	(26)	-	-	-	-	1	(7)
3+0	(18-21)	3	(16)	-	-	-	-	1	(7)
3+0	(18-21)	-	-	-	-	-	-	-	-
3+2	(21-29)	1	(5)	0+2?	(0-14)	3	(19)	-	-
3+1	(21-24)	-	-	1+1?	(8-14)	-	-	-	-
3+0	(18-21)	4	(21)	3+0	(21-25)	2	(13)	6	(43)
3+3	(21-35)	1	(5)	3+2	(25-36)	-	-	-	-
0+1	(0-6)	-	-	3+1	(25-29)	-	-	-	-
1+1	(7-12)	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	5+1	(42-43)	-	-	-	-
-	-	-	-	2+1	(17-21)	3	(19)	-	-
-	-	-	-	1+0	(7-8)	2	(13)	1	(7)
1+1	(7-12)	-	-	0+1?	(0-7)	2	(13)	1	(7)
-	-	-	-	3+0	(21-25)	6	(38)	2	(14)
-	-	-	-	6+1	(50)	7	(44)	-	-
-	-	-	-	3+1	(25-29)	2	(13)	-	-
-	-	-	-	8+1	(64-67)	7	(44)	-	-
0+1	(0-6)	-	-	1+1	(8-14)	-	-	-	-
-	-	-	-	0+1	(0-7)	5	(31)	-	-
9+3	(64-71)	4	(21)	-	-	-	-	2	(14)
0+1	(0-6)	-	-	-	-	-	-	-	-
5+2	(36-41)	5	(26)	1+0	(7-8)	4	(25)	1	(7)
4+1	(29)	-	-	-	-	-	-	-	-
0+2	(0-12)	-	-	2+2	(17-29)	-	-	-	-
3+2	(21-29)	1	(5)	-	-	-	-	-	-
8+1	(53-57)	7	(37)	-	-	-	-	-	-
6+2	(43-47)	3	(16)	-	-	-	-	-	-
3+1	(21-24)	-	-	-	-	-	-	-	-
1+1	(7-12)	-	-	-	-	-	-	-	-
3+2	(21-29)	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	3+0	(21-25)	-	-	-	-
1+1?	(7-12)	-	-	2+1	(17-21)	2	(13)	-	-

* - С учетом мужских комплексов парных погребений.

** - С учетом женских комплексов парных погребений.

ных ямах": женские комплексы (ПОль-5, 27) с маленькими подковообразными фибулами [14, с. 210], детское захоронение (Ц-241/Г).

Социальная неоднородность населения Гнёздова традиционно обуславливается самим фактом существования среди сотен небольших насыпей немногочисленной группы очень значительных по размерам курганов, идентифицируемых с погребениями аристократии. Открытие камер заметно расширило источниковую базу социологических построений и несколько оживило устаревшее определение гнёздовских курганов как "дружинных".

Распространенное мнение о камерных могилах Древней Руси, как специфическом обряде погребения варяжских дружинников русских князей [19, с. 31], как захоронения представителей "высшей дружинной знати, вероятно, непосредственно связанной с Киевом" [22, с. 73], обычно обосновывается ссылками на работы Г.С. Лебедева о камерах Бирки, сопоставленных им с погребениями "королевских дружинников" [20, с. 151–156; 21, с. 81]. А.-С. Грэслунд возражает против такой излишне конкретной интерпретации, видя в камерах погребения социальной верхушки общества – военных предводителей и купцов и их родственников [33, с. 79–82, 86]. Атрибуцию камерных погребений Древней Руси и Гнёздова, в частности, также не следует ограничивать дружинной средой; заметим, что в значительной мере именно на сходстве камер Гнёздова с аналогичными киевскими и черниговскими захоронениями, свидетельствующем, по мнению ряда исследователей, о пребывании в Гнёздове дружинников киевского князя и аналогичности памятника археологическим комплексам типа Шестовицы и Тимерева [25, с. 105–108; 22, с. 72–73; 24, с. 213], построена гипотеза о Гнёздове, как "погосте" – "оплоте великокняжеской власти на территории кривичей" [25, с. 105]

По мнению Г.С. Лебедева и В.Я. Петрухина, конструктивные особенности погребальных камер Древней Руси (сооружения срубного типа) являются результатом воздействия восточнославянской техники домостроительства, отражают процесс этнокультурной метисации в рамках "дружинной культуры" и позволяют, тем самым, рассматривать камерные захоронения скорее как социальный, чем этнический признак [13, с. 12; 24, с. 213]. Идея о славянском характере срубной конструкции камер представляется малообоснованной. Например, в Бирке, как и в Гнёздове, камеры с угловыми столбами немногочисленны (15 из 111 камер) [33, с. 31]. Что касается нестолбовых сооружений, то помимо констатации факта существования деревянных стенок (33 комплекса), а в редких случаях – их изображений, сведения о конструктивных особенностях исчерпываются информацией об угловом креплении стенок лишь одного погребения (там же). Учитывая, что в Бирке сооружения со стенками из вертикально поставленных досок, известные по материалам Ютландии [33, с. 32, 35–36], не зафиксированы, конструкцию большинства нестолбовых камер некрополя, так же как и в Гнёздове, следует условно интерпретировать как сруб, рубленный "в лапу". Вероятно, определяющую роль в появлении гипотезы о славянских истоках сооружений срубного типа сыграло устаревшее название камерных захоронений, известных с конца XIX в. по раскопкам в Киеве и окрестностях Чернигова как "срубные гробницы". Так из 14 погребений Киевского некрополя, отнесенных М.К. Каргером к "срубным" и, по-видимому, являвшихся камерами (№ 103, 105–108, 110–118),

остатки деревянных конструкций зафиксированы в 6 случаях, и лишь в двух – определен способ углового крепления стенок: сруб, рубленный “в обло” (№ 113), столбовая камера (№ 114) [17, с. 166–195].

В целом, материал гнёздовских курганов позволяет рассматривать труположения в камерах как вариант ритуала погребения преуспевающих варягов (воинов и купцов) и их родственников. !?

Прекращение в X–XI вв. кремации умерших и широкое распространение на Руси обряда труположения традиционно свидетельствуют об обращении населения в новую веру. Признаки начавшейся христианизации зафиксированы и в Гнёздове: в семи погребениях найдены серебряные крестовидные подвески (Дн–4, 14/VII–1899, Ц–198, 301, ПОль–5, 27, 38) и в трех – восковые свечи (Ц–198, 301, 306) [5, с. 200–204; 23, с. 224–225]. В качестве культового предмета следует, видимо, рассматривать и “крест” из воска, обнаруженный в ногах у погребенного (Л–148).

Пять погребений с христианскими символами отнесены к камерам, остальные – “могильные ямы”. Погребальный инвентарь обнаружен во всех комплексах, однако, если в кургане Л–148 он исчерпывается ножом, то перечни находок из таких погребений, как 14/VII–1899, Дн–4 и Ц–198, одни из самых длинных. Деталими костюма, бусами, сосудами, отдельными бытовыми предметами (ножи, ножницы) характеризуется вещевой материал остальных курганов. Пять из семи комплексов с определимой половозрастной принадлежностью погребенных оказались женскими (Ц–198, 301, 306, ПОль–5, 27), в кургане Дн–4 обнаружено погребение мужчины и лошади, комплекс 14/VII–1899 – парное захоронение, сопровождаемое погребением коня. Разнообразны ориентировка и положение тел умерших: в 6 из 8 случаев с известным расположением останков погребенные ориентированы головой на запад (с отклонением до 30°), в Ц–306 – на юг, на восток(?) – в Ц–301; в камерах Ц–198, 301 и 306 оказались сидячие погребения. Даже краткая характеристика рассматриваемой группы комплексов, рассеянных по всему некрополю, свидетельствует о несоответствии ритуала большинства захоронений христианским нормам. Формально наиболее близки христианским погребения в “могильных ямах”, в трех из которых (ПОль–5, 27, 38) зафиксированы следы гробов. Погребения в камерах, бесспорно, языческие (в 14/VII–1899 обнаружен и предмет языческого культа – железная гривна с привесками), однако именно в двух из них (Ц–198, 301) зафиксирована наибольшая концентрация христианских символов (свечи и крестовидная подвеска). Возможно, некоторые камеры, такие как Дн–4 (погребение хорошо вооруженного мужчины вместе со снаряженным для верховой езды конем) и Ц–198 (женское захоронение с разнообразным инвентарем, среди которого особо выделим весы), следует рассматривать в качестве погребений людей, принявших, подобно Торольву и Эгилю (“Сага об Эгиле”), “неполное крещение”: “Это был распространенный обычай у торговых людей и у тех, кто нанимался к христианам, потому что принявшие неполное крещение могли общаться и с христианами, и с язычниками, а веру они себе выбирали ту, которая им больше понравится” [16, с. 152]. Примечательно, что “неполное крещение” не явилось впоследствии препятствием для погребения братьев по языческому ритуалу [16, с. 162–163, 250].

В целом, зафиксированное в гнёздовских курганах сочетание старых (языческих) погребальных норм и новых религиозных символов отражает начальный этап христианизации. Примечательно, что 7 из 9 погребений с ритуальными предметами оказались скандинавскими (Ц-198, 301, 306, 14/VII-1899, Дн-4, Польш-5, 27). Это обстоятельство оставляет открытым вопрос, о распространении христианства на какой территории (на Руси или в Скандинавии) свидетельствуют данные комплексы.

Анализ погребений с христианской символикой связан и с проблемой интерпретации такого явления, как погребальный биритуализм, с возможной идентификацией всех погребенных в "могильных ямах" с христианским населением. Данные о могильных ямах Гнёздова, как и материал некамерных "дохристианских" труположений Среднего Поднепровья, неоднократно исследованный [17, с. 220-230; 27, с. 35-41], трудно однозначно интерпретировать. Ряд черт ритуала (обряды с использованием огня), общность комплексов (кремаций и ингумаций) на уровне вещевого материала, одновременный и необособленный характер возведения курганов с остатками трупосожжения и с труположениями — все это позволяет рассматривать погребальные древности Гнёздова, в целом, в рамках языческой культуры*. Учитывая, что дифференциация по этническому признаку затронула и труположения, и кремации, мы вправе говорить о биритуализме как характерной черте обеих этнокультурных традиций Гнёздова. Однако имеющегося материала недостаточно, чтобы ответить, в частности, на вопрос, чем обусловлено сосуществование двух способов погребения в рамках славянской традиции, и не связана ли часть гнёздовских труположений в "могильных ямах" с аналогичными погребениями Среднего Поднепровья.

Предлагаемое вниманию исследование курганов с труположениями является составной частью общего анализа погребальных древностей Гнёздова [15], результаты которого, прежде всего, сведения о демографической и этносоциальной структуре населения, позволили обозначить место могильника среди погребальных памятников периода становления Древнерусского государства (конец IX — начало XI в.). Немаловажную роль сыграло в этом и определение приближающегося к действительному удельного веса курганов с ингумациями (не менее трети всех погребений), что поставило памятник, насчитывающий несколько тысяч насыпей — от еле заметных до колоссальных размеров, в один ряд с некрополями Киева и Чернигова, одной из особенностей которых является погребальный биритуализм. Уникальная сохранность могильника придает ему характер эталонного "дохристианского" городского некрополя Древней Руси и позволяет использовать в качестве основной модели при реконструкции первоначального облика древнерусских городских кладбищ рассматриваемого периода.

Литература

1. Авдусин Д.А. Отчет о раскопках в Гнёздова в 1957-1960 гг. // МИСО. Смоленск. 1970. Вып. 7.
2. Авдусин Д.А. Гнёздово и Днепровский путь // Новое в археологии. М., 1972.

* О языческих ингумациях X в. сохранилось и летописное свидетельство: о крещении и перезахоронении в 1944 г. эксгумированных останков князей Олега и Ярополка [26, с. 104].

3. Авдусин Д.А. Скандинавские ингумации в Гнёздове // VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов Л.М., 1976. Ч.1.
4. Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Гнёздово в исследованиях Смоленской экспедиции // ВМУ. История. 1982. № 1. Серия 8.
5. Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М., 1989.
6. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1896. Д. 69.
7. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1899. Д. 106.
8. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1900. Д. 17.
9. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1905. Д. 54.
10. Архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1940. Оп. 1. Д. 32.
11. Бліфельд Д.І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. К., 1977.
12. Булкин В.А. "Курган 97" из раскопок С.И. Сергеева в Гнёздове // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
13. Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.
14. Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М., 1991.
15. Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
16. Исландские саги. М., 1956.
17. Каргер М.К. Древний Киев. М.;Л., 1958. Т. 1.
18. Клетнова Е.Н. Раскопки Гнёздова Левобережного // Смоленская старина. Смоленск. 1916. Вып. 3. Ч. II.
19. Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И. В., Назаренко В.А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. М., 1980. Вып. 160.
20. Лебедев Г.С. Социальная топография могильника эпохи викингов в Бирке // Скандинавский сборник. Таллин, 1977. Вып. XX.
21. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.
22. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) // История СССР. 1986. № 5.
23. Недошивина Н.Г. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // СА. 1983. № 4.
24. Петрухин В.Я. О начальных этапах формирования древнерусской народности и распространении названия Русь в свете данных погребального обряда // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). М., 1990.
25. Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. К предыстории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4.
26. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. I.
27. Русанова И.П. Курганы полян X–XIII вв. // САИ. М., 1966. Вып. EI–24.
28. Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска // МАР. № 28. СПб., 1902.
29. Спицын А.А. Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15.
30. Спицын А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губ. // ЗОР СА РАО. СПб., 1906. Вып. 1. Т. VIII.
31. Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М., 1987.
32. Avdussin D.A. Gnëzdovo – der Nachbar von Smolensk // Zeitschrift für Archäologie. Berlin, 1977. N. 11.
33. Gräslund A.-S. The Burial Customs. A Study of the Graves on Björko. Birka IV. Stockholm, 1980.